Военное детство

М. ВОДОПЬЯНОВ

ШТУРМАН ФРОСЯ

Штурман Фрося

Михаил Васильевич Водопьянов

Аннотация
Михаил Водопьянов. Штурман Фрося
Председатель сельсовета
Недоразумение
Штурман Фрося
В воздухе уцелел – на земле разбился
Ледовая разведка
Кто такой Серёга?
Истребители
Засада на зимней дороге

Аннотация

В книгу прославленного летчика, Героя Советского Союза Михаила Васильевича Водопьянова (1899–1980) вошли рассказы, написанные на документальном материале. О том, что происходило с автором и его боевыми товарищами, с детьми и взрослыми, повстречавшимися ему в годы Великой Отечественной войны, рассказывается в сборнике «Штурман Фрося». К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

Михаил Водопьянов
Штурман Фрося

Серия «Военное детство»
Серийное оформление О. Рытман
© Водопьянов М. В., наследники, 1973
© Лурье А. А., наследники, рисунки, 1973
© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2019

* * *

1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Председатель сельсовета

Фронт проходил между Тулой и Орлом. Я летел с подмосковного аэродрома на передовую. Погода была хорошая, дул попутный ветер, и я очень быстро добрался до места назначения. Часа через два я уже возвращался в свою часть.

На этот раз лететь было намного труднее. Ветер,

дувший прямо в лоб самолету, усилился. Скорость сократилась вдвое. Значит, должно уйти вдвое больше бензина.

Я мысленно подсчитал количество горючего и понял: хватит, но в обрез. Чтобы сократить расстояние, решил идти бреющим полетом напрямую. Лечу около трех часов. Впереди блеснула Москва-река. Отлично! Скоро наш аэродром.

А пока иду над густым лесом. Самолет сильно болтает. Внизу проплывает какое-то село, не обозначенное на карте. Сразу же за селом — снова лес.

Вдруг останавливается мотор: кончился бензин. К счастью, слева, недалеко от села, я заметил небольшую лужайку и благополучно сел.

Вылез из самолета, вижу: из села со всех ног несутся ребятишки. Первыми подбежали два загорелых пионера. Спрашиваю:

— Есть ли тут поблизости телефон?

— Есть! — радостно отвечают они. — Видите дом с красной крышей? Это сельсовет. Оттуда можно позвонить.

Около сельсовета я встретил двух девушек. На вид им было лет по шестнадцать-семнадцать, не больше. Одна — светлая, с широко открытыми серыми глазами на круглом полудетском лице

— спросила меня:

— Вы в сельсовет, товарищ летчик?

— Да. Хочу позвонить в свою часть.

— А как вы сюда попали? — Ее лицо стало строгим и немножко важным.

«Какие дотошные девчонки! — раздраженно подумал я. — И что им за дело? Нашли время допрос снимать!»

Но я ответил спокойно и даже шутливо:

— Вы же видели: самолет сел на вынужденную…

— А вы не серди́тесь, — ответила другая. — Сами понимаете — война…

В это время снова вмешалась решительная девушка с детским лицом и категорически предложила:

— Предъявите документы!

— А вы, собственно говоря, кто будете?

— Председатель сельсовета!

Признаться, я чуть не ахнул вслух. «Да, — думаю, — вот что делает война… Ведь это же еще школьница, а на такой важной выборной должности…»

Пока я с сожалением смотрел на этого председателя, девушки рассмотрели мои документы.

Тут одна говорит другой:

— Шура, ведь это же товарищ Водопьянов!

Вижу, мой председатель немного смутился, но достоинства не теряет и говорит мне спокойно:

— Пойдемте, я позвоню сама. Телефон у нас капризный — не всех слушается.

В часть мы дозвониться не сумели, но сообщили о вынужденной посадке секретарю райкома.

Он прислал за мной машину, и, оставив самолет под охраной колхозников, я уехал.

Но мое знакомство с председателем сельсовета на этом не кончилось.

На другой день я вернулся за самолетом. Меня ждали. В клубе было празднично убрано. Колхозники попросили меня рассказать, как воюют наши летчики.

Потом Шура Савёлова, как настоящая хозяйка, стала меня знакомить с сельским, как она сказала, активом.

— Вот наш секретарь сельсовета, — подвела она меня к почтенному старику с длинной бородой, похожему на старую икону. — А вот наши председатели колхозов и члены правления, — представила она мне других.

Все чинно кланялись мне, я — им.

Потом я увидел в стороне группу смеющихся девчат. Шура подводит меня к ним:

— А это наши лучшие колхозные бригадирши.

Бригадирши сделали серьезные лица и торжественно протянули мне руки.

Но вот перед нами сидит на лавке, как воробьи на телеграфном проводе, целая стайка подростков.

— Это, — сказала Шура, — молодые помощники механиков и трактористов.

Батюшки ты мои! У этих трактористов ноги висят в воздухе, до полу не достают…

Глубокая горечь охватила мою душу: вот, думаю, что сделала война… Признаться, мне было от души жаль эту молодежь, на плечи которой легла столь ранняя ответственность.

Но чем дольше и внимательнее присматривался я к молодым колхозникам, чем больше разговаривал с ними, тем на душе у меня становилось радостней и легче. Сознательно, с огромной любовью трудились они для своей Родины.

— Мы так считаем, — сказал один парнишка, — что каждый мешок зерна — это лишняя бомба на врага. Правильно? Или, может, два считать надо?

Мы долго дружески беседовали с колхозниками. Старики очень хвалили председателя сельсовета.

— Молода, а толкова, — говорили они солидно. — При ней у нас сельсовет лучшее место в районе занял. А ведь только в прошлом году школу окончила…

Я все с бóльшим уважением смотрел на эту девушку, которая заставила людей намного старше ее не только полюбить, но и уважать себя.

В тот же день я побывал в гостях у Шуры Савёловой. Она жила одна. Отец ее и три брата были на фронте.

В домике оказалось очень чистенько, уютно. На столе еще лежали ученические тетради Шуры. Но теперь я уже не относился недоверчиво к тому, что «школьным духом пахнет». Мне это уже нравилось.

После победы я поехал посмотреть, как живут и работают мои знакомые колхозники.

Буйно колосился урожай. Сельсовет по-прежнему занимал первое место в районе. Но председателя мне повидать не удалось: Александра Савёлова рано утром уехала в Москву — подавать заявление в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

— Еще приедешь к нам, — сказали мне колхозники, — она либо председателем исполкома, либо академиком будет.

Недоразумение

Однажды во время Отечественной войны летчик Павел Михайлов, ныне Герой Советского

Союза, получил задание доставить в город Миллерово полковника с секретными документами. Для большей безопасности полет должен был состояться ночью. На подлете к городу Михайлов увидел яркие лучи прожекторов. Во многих местах поднимались огненные фонтаны зенитных снарядов и трассирующих пуль.

— Город и аэродром бомбят фашисты, — сказал летчик.

— Придется подождать, когда кончат. Задание должно быть выполнено.

Летчик стал делать круги в сторонке, выжидая.

Но бой не прекращался, а, наоборот, разгорался.

Михайлов забеспокоился, что в ожидании истратит весь бензин. Он решил зайти с другой стороны города. Только стал разворачиваться, как вновь показались вражеские самолеты. Снизу по ним давали сильный огонь. Начали стрелять и в Михайлова: ведь ночью не видно, свой самолет или чужой!

Три прожектора поймали машину Михайлова и не выпускали ее из своих лучей. Зенитки палили наперебой. Кабину так ярко осветило, что летчику ослепило глаза и он перестал различать

показания приборов. Невозможно разобрать, какая скорость, правильно ли идет самолет.

Стараясь уйти от прожекторов, летчик снижал машину, развивая бешеную скорость. Наконец ему удалось уйти от ослепляющих лучей, и он увидел, что летит со скоростью трехсот пятидесяти километров, а до земли осталось всего метров пятьдесят.

Сейчас машина врежется в землю… Холодный пот выступил на лбу у пилота. Он резко рванул штурвал на себя и, над самой землей выровняв самолет, пошел в сторону.

В это время Михайлову бортмеханик доложил:

— Пробиты баки! Бензин вытекает! Немедленно надо садиться!

Но куда? Ведь ничего не видно.

Летчик осветил землю своими фарами. Под самолетом он увидел кустарники и овраги. Сесть негде… Командир резко развернул самолет и решил тянуть на аэродром — будь что будет… И вдруг заметил на краю оврага более или менее ровную площадку. Михайлов не задумываясь повел машину на посадку. Самолет коснулся земли, летчик выключил моторы и нажал на тормоза. Перед самым оврагом машина остановилась. Не успели люди порадоваться благополучной

посадке, как раздался женский голос:

— Руки вверх!

— Да мы свои…

— Руки вверх! Стрелять буду!

Ничего не поделаешь, пришлось поднять руки.

К самолету подошли несколько девушек.

— Обыскать! — скомандовала одна.

Девушки отобрали у всех пистолеты.

— Нефёдова, — командует все та же, — беги к командиру, доложи, что наша батарея сбила фашистский самолет. Экипаж взят в плен.

— Есть, товарищ старшина, доложить командиру!

Девушка козырнула, повернулась круго́м по всем правилам воинской дисциплины и помчалась выполнять приказ.

— Послушайте, товарищ старшина, — сказал тогда полковник, — вы же видите, что мы не немцы. Посмотрите на самолет — на нем красные звезды. Мы вам сейчас предъявим документы.

— Мало ли что звезды да документы! Это все сделать можно. А зачем вы бросали на своих бомбы, если так?

— У нас пассажирский самолет, — вмешался тут Михайлов. — Какие же могут быть бомбы?

— Прекратить разговоры! — заявила старши-

на. — Там, на батарее, разберемся.

Пошли на батарею. По дороге полковник, летчик и бортмеханик, которые были очень довольны благополучной посадкой, начали вслух обсуждать свое положение.

— Вот это здорово, товарищ полковник! — сказал Михайлов. — Вам приходилось когда-нибудь в плен к своим попадать? Я — в первый раз!

— А девушки — молодцы! — ответил полковник. — И стреляют неплохо, и принимают хорошо. Только не очень вежливо!

— Как это — неплохо стреляют? — вмешался бортмеханик. — Очень даже здорово! Вы посмотрите на машину! Хорошо еще, что они нас не продырявили.

Девушки шли всё это время молча и не показывали виду, что разговор касается их. Когда дошли до командного пункта, старшина доложила:

— Товарищ командир! Эти люди с того самого самолета, который носился над нами и чуть не задел колесами нашу батарею. Они хорошо говорят по-русски и уверяют, что свои.

Командир поднял голову и, ни слова не говоря, пристально всматривался в «пленных».

— Ваша фамилия? — спросил он Михайлова.

Тот ответил.

— Я вас знаю, — сказал тогда командир просто. — Вы прилетали к нам на аэродром. Садитесь, товарищи, и для порядочка предъявите документы: как и что... А на наших девушек не обижайтесь!

На лице старшины появился густой румянец.

— Извините, — сказала она, — получилось недоразумение.

— Никакого недоразумения нет! — весело ответил ей полковник. — Вы молодцы! Так и надо действовать. — Он крепко пожал всем девушкам руки и добавил: — Сегодня же позвоню в штаб противовоздушной обороны и попрошу, чтобы вас отметили в приказе.

Штурман Фрося

Однажды к нам в полк пришла скромно одетая белокурая девушка.

Мы, летчики и штурманы, только что закон-

чили подготовку к боевому вылету и собирались пойти пообедать. Кто-то решил, что она пришла наниматься подавальщицей в столовую, и ей предложили:

— Пойдемте, девушка, с нами. Мы как раз в столовую идем.

— Спасибо, я не хочу есть!

— Ну, с заведующим поговорите.

— Спасибо, мне не нужно.

— А кто же вам нужен?

— Командир полка.

— Интересно, по какому же делу, если не секрет?

— Видите ли, — охотно ответила девушка, — когда я кончала десятилетку, я одновременно училась в аэроклубе летать. Теорию сдала отлично, а практически оказалась малоспособной: поломала машину и меня отчислили.

Кое-кто засмеялся, но многих ее откровенный рассказ заинтересовал.

— Вы что же, — спросили ее, — хотите поступить в наш полк?

— Да.

— Вам незачем идти к командиру.

— Почему?

— С такой практикой вы нам не подойдете.

— Но вы ведь меня еще не знаете, — возразила девушка. — Я окончила школу штурманов и работала уже в отряде. А потом заболела, и меня отчислили в резерв. Сейчас я здорова, и мне стыдно сидеть дома, когда все воюют.

— Нет, вы все равно не подойдете, — сказал ей старший штурман. (А я в это время подумал: «Молодец, настойчивая! Люблю таких».) — Наши штурманы летают ночью и имеют большой опыт, а вы?

— Я тренировалась и ночью.

— А сколько вам лет?

— Скоро двадцать два будет.

— Многовато, — сказал кто-то, и все засмеялись.

— С таким штурманом полетишь и заблудишься — домой не попадешь! — заметил один из наших летчиков.

Девушка начала кусать губы, чтобы сдержать слезы. Немного помолчав, она взяла себя в руки и сказала:

— Что ж, за смех обижаться не приходится, а серьезно меня никто не обидел. Спасибо и на этом!

Она повернулась и быстро пошла к воротам.

Всем стало жаль ее. А я, глядя вслед уходящей, вспомнил свою молодость, свое непреодолимое

желание летать, насмешки отца, который говорил, что мне «летать только с крыши».

— С характером девушка! — сказал главный штурман.

— По-моему, — заявил я, — надо попробовать ее потренировать. Характер подходящий.

Девушку вернули. Командир предложил ей пройти медицинскую комиссию и сдать испытания.

Скоро у нас в отряде появилась новая боевая единица — штурман Фрося, как ее все звали.

Фрося оказалась способным, грамотным штурманом. Кроме того, она знала радио и хорошо работала на ключе. Сначала ее посылали на боевые задания с опытными мастерами своего дела. Но вскоре она была допущена к самостоятельным полетам и начала работать с летчиком Беловым.

Однажды они вылетели в район Брянска. Связь Фрося всегда держала прекрасно. На этот раз они имели скромное задание — разведать погоду. Каждые пятнадцать минут мы получали от нее сообщения. Вдруг связь на некоторое время прервалась. Затем Фрося сообщила: «В районе Брянска большое скопление танков. Бросаю бомбы». Опять наступил перерыв — и новое сообщение: «Самолет горит. Летчик ранен. Стрелок

убит». На этом связь была прервана.

У нас в полку сильно загоревали. Многие поговаривали, что, будь на месте Фроси старый, опытный штурман, надежда на спасение людей еще таилась бы. «Дивчи́на она хорошая, но бывалый человек в таком положении оказался бы полезнее» — так судили у нас в полку.

Тем временем от потерпевшего бедствие экипажа никаких сведений не было. Белова и Фросю считали погибшими.

Прошло три месяца.

Стояла глубокая зима. В гуще Брянских лесов скрывалось немало партизанских отрядов. Летчики нашего полка довольно часто получали задания на Малую землю: мы возили партизанам продовольствие, оружие, одежду, вывозили раненых.

Однажды, когда из такого полета вернулся самолет, на его борту оказались Белов и наша Фрося.

Трудно рассказать о радости, испытываемой военными людьми, когда к ним возвращаются товарищи, которых считали погибшими! Фросю и Белова буквально на руках вынесли из самолета… И уж действительно ни с чем не сравнима была наша радость и гордость, когда мы услыша-

ли историю их спасения.

Фрося скромно молчала. А Белов рассказал нам вот что.

Когда загорелся самолет, Белов был тяжело ранен в бедро. Он не мог двигаться. Фрося вложила ему в руку парашютное кольцо и помогла перевалиться через борт машины. Тут же она прыгнула сама. Приземляясь, раненый летчик не мог самортизировать ногами и от острой боли потерял сознание.

— Надо сказать правду, — рассказывал Белов, — что, когда Фрося нашла меня на опушке леса без чувств, она решила, что я умер. Тут наш штурман повел себя не по-мужски: она кинулась на мой «труп» и так разревелась, что привела меня своими слезами в сознание. Начиная с того момента, когда она обнаружила, что я жив, ее поведению может позавидовать любой храбрейший и мужественный боец и разведчик.

Положение наше было тяжелое. Двигаться я не мог. Аварийного пайка могло хватить на два дня, и то по самой скромной порции. Кроме того, нас легко могли обнаружить фашисты. Неподалеку упал наш самолет — мы видели зарево от догоравшей на земле машины. Этот костер мог привлечь внимание врагов.

Уж не знаю, откуда у Фроси столько силы: она взвалила меня на спину и понесла. От боли я снова потерял сознание. Не знаю, сколько времени она меня так протащила. Говорит, что недалеко, но, по-моему, это неправда.

Я очнулся снова уже в шалаше, на довольно мягкой «постели» из сухого мха. Убежище наше было прекрасно замаскировано, но положение трудное. Есть было нечего. Рана моя горела, и я по-прежнему совсем не мог двигаться.

Мы решили расстаться. Сидеть нам обоим в шалаше — значило обречь себя на голодную смерть. Если же Фросе удалось бы найти партизан или местных жителей, которые взялись нам помочь, мы были бы спасены. Она ушла в разведку.

Фроси не было два дня… Остальное пусть она сама рассказывает.

— Товарищ командир, — взмолилась Фрося, — я не умею. Вы уж начали, вы и продолжайте!

— Как же я расскажу о том, чего не видел?

— Вы и так всё знаете лучше меня!

— Ну, смотри не обижайся… Так вот, друзья мои, что сделала Фрося, — продолжал Белов. — Не найдя в лесу партизан, она проникла в занятый фашистами районный городок. Она сумела войти в доверие к фрицам, и ее приняли в офицерскую

столовую. Товарищи дорогие, если бы вы знали, какие изумительные блюда она мне приносила! Один раз умудрилась даже дотащить мороженое… Но разве дело в том, что она старательно выбирала для меня все самое лучшее! За каждый вынесенный для меня кусок, за каждый тайный уход в лес она рисковала жизнью. Я лично так считаю, что, добывая и доставляя мне питание, она совершала подвиг самого высокого героизма.

Тут Фрося надулась, покраснела и сказала совершенно серьезно:

— Как вам не стыдно, Николай Павлович!.. Никогда не думала, что вы станете такое говорить…

— Сама виновата! Я предлагал тебе рассказывать — не захотела. Теперь не мешай!

— Правильно! — зашумели летчики. — Фрося, к порядку!

— Я вам еще не то расскажу, — продолжал Белов. — Однажды она явилась ко мне с целым провиантским складом, им можно было полк накормить! При этом она заявляет, что, мол, не ждите меня — целую неделю не приду.

Я спрашиваю, как и что, — она отмалчивается. Когда я стал беспокоиться, что ее заметили, она рассказала, что ничего страшного нет: просто ей нужно связаться с партизанами, и всё.

Пожалуй, время, когда она отсутствовала, было для меня самым тяжелым за все дни нашего бедствия. Я не мог ни есть, ни спать. Никогда в моей жизни дни не тянулись так медленно. Я воображал себе всяческие несчастья, которые могли случиться с Фросей, проклинал свое беспомощное состояние, и мне не раз приходила в голову сумасшедшая мысль: выбраться из своего логова. Но как я мог прийти ей на помощь?

Не на седьмой, а на десятый день к моему убежищу подошла Фрося вместе с партизанами. И только уже в партизанском лагере я узнал, что она спасла весь отряд... Посмотрите на нее, дорогие товарищи! Эта скромная девушка сохранила нашей стране восемьдесят шесть человеческих жизней...

Фрося опять сильно покраснела. На этот раз она смутилась настолько, что на ее глазах появились слезы. Но, как в первый раз, когда она пришла к нам в полк, она взяла себя в руки и прервала Белова:

— Николай Павлович, честное слово, вы не так рассказываете. Уж лучше я сама.

Народ, слушавший всю эту историю, конечно, зашумел: требовали продолжения.

Фрося сказала:

— Не знаю, что тут такого? Каждый бы так сделал. Я работала официанткой у них в столовой. Никакого героизма тут нет; наоборот, очень противно было подавать этим гадам... Они думали, что я не знаю их языка, и свободно говорили при мне обо всем. А я немножко понимаю. И когда я узнала, что готовится карательная экспедиция на партизанский отряд, я, конечно, пошла и предупредила. Вот и всё.

— Нет, не всё! — крикнул ей Белов.

— Как — не всё?

— А документы?

— А-а... Ну, вот еще что: когда я решила уйти и больше уж не возвращаться, я пошла в гардероб, где они оставляли свои шинели.

Там я все повытаскивала у них из карманов

— на всякий случай. Конечно, могло оказаться, что ничего ценного бы не нашлось. Но один дурак оставил в кармане шифр радиопередач и список тайных осведомителей. Все это очень пригодилось партизанам. Только, по-моему, это не моя заслуга, а глупость врага… Ну а теперь уж окончательно всё. — И Фрося вздохнула с облегчением.

В этот вечер долго не смолкали разговоры о Фросе. Она уже давно ушла отдыхать, а мы всё толковали о ней.

— Помните, — сказал кто-то, — мы решили, что она пришла к нам в столовую подавальщицей наниматься?

— Да-а… А кто это сказал, что с таким штурманом улетишь и домой не вернешься?

— Это я сказал, — отозвался Белов.

На этот раз пришла его очередь покраснеть.

— Нет, — добавил он, — теперь я вижу, что с ней-то как раз откуда угодно домой попадешь.

В воздухе уцелел – на земле разбился

В 1943 году вместе с командирами других кораблей я получил задание бомбить город Данциг. Мы вылетели.

Над землей стояла тихая лунная ночь. Сверкали крупные осенние звезды. В такую ночь хорошо бродить по земле, молча вдыхать свежий воздух, слушать родную далекую песню…

Но вот мы подошли к линии фронта, и под нами открылось море бушующего огня. Такая резкая перемена картины всегда вызывала во мне новый приступ ненависти к зачинщикам войны, к варварам, нарушившим нашу красивую мирную жизнь, прервавшим песни, зажегшим огни кровавого зарева. Я думал о своем экипаже — молодых механиках и стрелках. Какой веселый, славный народ! Им бы работать, наслаждаться солнцем, познавать всю радость созидательной жизни. Но сейчас для них существует только одна радость — положить бомбы точно в цель, бреющим полетом пройти над вражьими колоннами и полить их свинцовым дождем: пожните, что посеяли!

Я отлично понимал те чувства, которые заставляли наших героев-летчиков идти на таранящий удар: своей гибелью они избавляли любимый народ от врагов. Своей смертью они обрекали на смерть сотни фашистов, приближая час освобождения Отчизны. И ради этой великой цели они совершали последний шаг в жизни, вернее

— последнее движение, без всякого колебания.

Все эти размышления быстро проносились в моей голове, пока я вел машину к цели — городу Данцигу.

Вот справа показалось море, впереди черная точка — город. Мои товарищи начинают работать: открываются люки и одна за другой сыплются бомбы. Мы ясно видим взрывы, затем вспыхнувший пожар.

За нами летели еще самолеты; цель им была открыта, и мы с сознанием исполненного долга развернулись в обратный путь.

Дорога была знакомая. Мы весело шутили, высказывали предположения насчет того, какую еще «музыку» нам придется услышать от вражеских зениток. Но все прошло благополучно, и мы вовремя вернулись домой.

На другой день мы должны были снова идти на Данциг. За несколько часов до вылета меня вызвали в штаб. Я простился с товарищами, пожелал им удачи и поехал в Москву. По обыкновению, автомашиной управлял я сам.

Дорога была хорошая, и ехал я очень быстро. Из головы не выходил предстоящий полет моего экипажа. Мне очень хотелось быть на борту самолета: там я волновался бы меньше. Но ока-

залось, что на земле меня тоже ждало серьезное испытание.

За поворотом показалось село. Дорога была свободна. Вдруг, откуда ни возьмись, два мальчугана перебегают дорогу. Они бы успели ее перебежать, но, когда я на всякий случай дал им сигнал, они неожиданно повернулись и побежали обратно.

Все это произошло в одно мгновение.

Помню только, что я в отчаянии крикнул: «Что вы делаете?!» — как будто этим можно было помочь. Затем я сделал то, что делать нельзя, если еще собираешься жить на свете, — резко повернул и затормозил.

Машина буквально завыла, шины зашуршали по асфальту, и мой автомобиль два раза перевернулся. Мне сильно разбило бедро. Как это часто бывает, сгоряча я не почувствовал ранения и выскочил из машины, но тут же упал.

Подбежали люди. На мое счастье, следом за мной ехал начальник санитарного железнодорожного управления. Он подобрал меня. Когда меня укладывали в автомобиль, я услышал разговор тех, кто был виноват в случившемся. Один из мальчиков авторитетно заявил другому:

— Разве это авария? Никто не убился… Вот на прошлой неделе была авария — сразу двое

насмерть!

— А вы слышали, — спросил мальчиков мой шофер, — о таком случае: никакой аварии нет, и машина едет себе дальше, а сразу двое насмерть?

— Такого не бывает!

— А так было бы сейчас, если бы ради вас командир не загубил машину и не поранил себя: вы двое лежали бы на дороге.

Тут я заметил — ребята что-то поняли.

— А он мог бы совсем убиться? — спросил один из них.

— Конечно, мог.

Они помолчали, переминаясь с ноги на ногу.

— А ему, наверное, страшно было, когда машина вертелась вверх ногами?

— Страшно не страшно, а надо было спасать ваши маленькие глупые головы…

О чем они дальше говорили, я не знаю — меня увезли в госпиталь.

Лежа там, я вспоминал о славном экипаже моего самолета, невольно волнуясь о том, как летают там без меня боевые товарищи. Живы ли они?

Представлялось нелепым, что после таких опасных полетов за линию фронта я потерпел аварию на земле.

Но когда я вспомнил переминающихся с ноги на ногу мальчишек, подумал иначе: просто на фронте приходилось рисковать жизнью, чтобы истреблять ненавистного врага, а в тылу это пришлось сделать для спасения самого дорогого — наших маленьких советских ребятишек.

Ледовая разведка

Полярный летчик Антонов летал на ледовую разведку — он помогал капитанам проводить пароходы с грузом по Северному морскому пути. Самолет был «Ли-2». В кабине вместо кресел и пассажиров лежали бочки с запасным бензином,

чтобы летчик имел возможность летать не десять часов, а все двадцать.

Работа шла успешно, капитаны оставались очень довольны разведкой Антонова, но сам летчик не был удовлетворен этой работой. Он неоднократно просил начальника полярной авиации отпустить его на фронт, где на боевой машине он смог бы принести больше пользы отечеству, чем здесь, на будничной работе.

Однажды, в начале августа, ему пришлось лететь на одну из далеких зимовок. Летел он над Карским морем. Погода ясная, видимость хорошая. Моторы работали отлично. Летчик включил автопилот, отрегулировал его, чтобы он вел самолет точно по курсу.

Освободившись от управления, он открыл термос, налил из него в металлическую кружку горячего кофе и стал пить, закусывая галетами. Глаза его безразлично смотрели вперед, на бескрайнее море, а немного сбоку он увидел тень своего самолета, которая ясно отражалась на зеркальной поверхности воды. Тень, окруженная яркими цветами радуги, стремительно бежала вперед. Летчик невольно стал любоваться этой изумительной картиной. И вдруг он увидел — тень самолета пробежала мимо другой тени,

но не яркой, а темной. Что это? Он выключил автопилот, взялся за управление и сделал круг над темным пятном. Сигарообразная тень стала уходить в глубь моря и скоро скрылась совсем.

— Под нами вражеская подводная лодка! — крикнул он. — Жаль, что у нас нет глубинных бомб, а то бы мы с ней расправились.

Штурман на карте отметил место, где обнаружен враг.

Срочно была составлена шифровка и послана на свою базу. Через несколько минут Антонов получил ответ: «На смену вам вылетают два военных разведчика. Дождавшись их, продолжайте путь своим курсом».

Через час прилетели разведчики. Полярным летчикам тоже очень хотелось принять участие в поисках подводной лодки, но приказ есть приказ.

Обменявшись приветственными знаками, военные летчики остались караулить подводную лодку, а полярный летчик полетел выполнять свое задание.

На горизонте показались две высокие радиомачты. Но где дом и склад? Их не видно. Летчик Антонов стал снижаться, и на высоте двухсот метров он заметил вместо дома только пять кир-

пичных печек. Дом и склад сгорели дотла. Когда летчик сел на песчаной косе, к нему подошли зимовщики. Начальник научной станции рассказал, как на них напали фашисты.

— Они, как видно, хотели застать нас врасплох, — начал он, — но их расчеты не оправдались. У нас еще с начала войны было установлено круглосуточное дежурство. Мы несколько раз видели подводные лодки, а один раз даже военный корабль зашел в наши края. Правда, уйти ему отсюда не удалось: по нашему сигналу прилетели с Большой земли самолеты и быстро потопили непрошеного гостя. И вот, как видно, они догадались, что наша научная зимовка сообщает на Большую землю не только погоду и ледовую обстановку, но и все, что заметит в море. Поэтому они и хотели уничтожить нашу точку.

А сегодня дежурил не один, а двое: один сидел на крыше дома, а другой на аэродроме ждал вас. Ну и заметили, как из воды сначала показалась башня, а потом и сама подводная лодка.

Не прошло и десяти минут, как мы установили свои два пулемета, которые были завезены еще в начале войны, и стали наблюдать, что будет дальше. Фашисты не заставили себя долго ждать. Спустили две надувные резиновые лодки, сели с

автоматами и отчалили к берегу. Как говорится, решили высадить десант и взять нас живьем в плен. Но не тут-то было!

Как только они подошли метров на пятьдесят к берегу, мы открыли огонь сразу из двух пулеметов. Что тут началось! Несколько человек упали в воду. Шлюпки развернулись — и тягу. Мы, чтобы не тратить много патронов, перестали стрелять. Но зато с лодки открыли артиллерийский огонь. Через несколько минут запылали наши строения. Мало что успели спасти… Ну ничего, у нас здесь много плавника[1], к зиме построим новый дом, а пока поживем в палатках…

Когда Антонов вернулся на свою базу, ему сообщили, что лодка, которую он обнаружил, потоплена.

[1] Примечания: 1

Плавни́к — деревянные обломки, срубленные или упавшие деревья, плавающие в реке или море и выброшенные на берег.

Кто такой Серёга?

Мы шли в боевой полет на Берлин. Эта цель всегда создавала у летчиков особенно напряженное, даже несколько торжественное настроение. Бом-

бить само логово фашистского зверя считалось у нас почетным заданием, и к его выполнению относились необычайно ревностно. Поэтому, когда в полете на Берлин у нас отказал один из моторов, было решено маршрут продолжать, сбросить бомбы на цель, а там — будь что будет.

В начале пути погода была хорошая, но, когда мы пролетели линию фронта, она начала портиться: появилась облачность.

Я решил лететь выше облаков. Пришлось подняться на пять тысяч метров. Все надели кислородные маски.

По внутреннему телефону спросил стрелков, как они себя чувствуют, хорошо ли работают кислородные приборы. Получил ответ, что всё в порядке, и спокойно пошел дальше.

Но дальше облачность оказалась выше пяти тысяч метров. Поднялись на шесть и около трех часов шли, не видя земли.

Вскоре высота достигла семи тысяч. Вдруг правый крайний мотор остановился.

— Далеко ли цель? — спросил я штурмана.

— Осталось двадцать минут полета.

Возвращаться было обидно. А если сбросить бомбы, не долетев до Берлина, то что мы выиграем? Все равно до своей земли можем не дотянуть.

Нет уж, выполнять задание так выполнять!

И я продолжал вести машину по курсу.

Через двадцать минут дрогнул самолет. Я сразу понял, что это открыли люки. Сейчас наши бомбы будут сброшены на цель, и мы пойдем обратно.

Когда мы сошли с цели, я решил снизиться, чтобы запустить мотор. Мне уже стало ясно, что он остановился потому, что не хватало воздуха.

На высоте в три тысячи метров мотор снова заработал. Не успел я порадоваться, как штурман начал мне командовать:

— Вправо! Влево!

Что такое?

Впереди были заградительные огни немецкой батареи.

Мы быстро набрали высоту. На шести тысячах метров мотор снова остановился. Мои догадки подтвердились: ему не хватало воздуха. Приходилось снижаться, и каждый раз мы попадали под обстрел.

Нам пробили два бензиновых бака. Но все четыре мотора работали пока хорошо.

Начало светать. Впереди появились высокие обрывистые облака, они напоминали каменные шпили Кавказских гор. Казалось, что самолет сейчас врежется в эти «скалы» и разобьется о них

вдребезги.

С облаками на нас надвигался мощный циклон. Обойти его не было никакой возможности: мы и так шли на высоте пяти тысяч метров. Когда мы попали в него, в кабине поднялась снежная пыль. В малейшую щелочку проникал густой струйкой снег. Все приборы покрылись его тонким слоем. Мой «больной» мотор снова остановился.

По расчету времени, наш самолет находился уже недалеко от линии фронта. Бензин из пробитых баков продолжал вытекать, и я ждал, что вот-вот должны остановиться все четыре мотора.

Было решено снизиться под облака и восстановить по местности, где мы находимся: если уж придется совершить вынужденную посадку, то надо знать где.

На высоте тысячи восьмисот метров показалась земля. Температура резко поднялась, снег в кабине быстро растаял, по окнам хлестал дождь.

Под нами была русская земля с густым лесом. Сёл больших мы не заметили, скоплений войск — тоже. Судя по всему, линию фронта мы еще не «перетянули».

— Где мы? — спрашиваю штурмана.

— Фронт недалеко. Подтяните еще немного!

В это время, как по команде, остановились все четыре мотора. Машина быстро стала снижаться.

Что делать? Прыгать с парашютом? Но это значит попасть к фашистам в руки. Садиться на открытое место тоже нельзя: расстреляют. Добежать до какого-нибудь укрытия не успеем.

Я принял решение: садиться на густой лес, подальше от дорог. По крайней мере, фашисты не скоро доберутся до нас, а может быть, нам посчастливится встретиться с советскими людьми. Что касается самой посадки на лес, мне лично это приходилось делать впервые, но я отлично помнил рассказ моего друга, Ильи Павловича Мазурука, которому пришлось однажды садиться прямо на таежные заросли, и он даже не сломал машину.

По телефону предупреждаю товарищей: приготовиться!

Я видел, как один за другим товарищи уходили в заднюю часть самолета, где меньше риска погибнуть при посадке. Высота быстро сокращалась. Вот и лес… Выравниваю машину, стараюсь как можно больше потерять скорость… Я уперся рукой в козырек, чтобы не разбить лицо о приборы, и мы врезаемся в верхушки густых сосен.

Что-то трещит. Машина, подламывая деревья, «на брюхе» опускается до самой земли.

— Товарищи, — крикнул я, — вы живы?

— Мы-то живы, а вы как?

— Раз сам спрашиваю, значит, в порядке!

Оцарапанные, немного оглушенные, мы вылезли из машины.

— А где же хвостовой пушкарь? — спросил я.

— Он раньше всех вышел. Куда же он девался? — недоумевают товарищи.

В это время мы услышали какой-то шум, пыхтение и наконец голос пропавшего пушкаря.

— Стой! Еще кусаться будешь! — сердито кричал он где-то совсем близко.

— Пусти, окаянный! — крикнул в ответ высокий, не то женский, не то детский голос.

Мы насторожились.

Пушкарь подтащил своего упирающегося пленника. Это был мальчишка в ветхой одежонке, лет двенадцати-тринадцати на вид.

— Вот, — доложил пушкарь, — под самый хвост машины подполз!

— «Подполз»! — дерзко сказал мальчишка. — Это вы чуть человека не задавили! Идешь по лесу — и на тебя самолет валится... — ворчливо добавил он.

— Ты кто? — спросил его штурман. — Может, партизан? — мягко закончил он.

— Нет. Мой дед заболел, ему кисленького захотелось. Ну, я пошел на хутор за капустой, а вы тут плюхнулись… Чуть не задавили! — опять с вызовом сказал он.

— Что значит «плюхнулись»? — недовольно переспросил штурман.

— Ну как по-вашему — сели?

— Тебя как зовут? — вступил я в разговор.

— Серёга.

— Скажи нам, Серёга, далеко здесь немцы?

— Не знаю, дяденька, — вдруг сменив тон, плаксиво заговорил Серёга. — Ничего не знаю. Отпустите меня. И так чуть не убили. Меня дедушка ждет!

— За кого ты нас принимаешь? — уже совсем ласково спросил я, видя, что парень «крутит».

— За летчиков, — ответил хитрый мальчишка.

— За каких?

— За военных! — Он снова увернулся от прямого ответа.

— Ох и хитер ты, бестия! — потирая укушенное место, заметил ему пушкарь.

— Я не бестия. Бестия женского рода, а я мужчина.

Мы громко расхохотались.

— Ты что ж, мужчина, думаешь — мы немцы?

— Не знаю.

— А по разговору судя, мы немцы или русские?

— Не знаю я. Отпустите! Меня дедушка ждет.

— Товарищ командир! — обратился ко мне пушкарь. — Будем самолет все равно сжигать, и его туда же. Разве вы не видите? Это же немецкий шпион!

Глазенки у мальчишки забегали: он старался понять, шутит пушкарь или нет. Наконец спросил:

— Аэроплан будете сжигать?

— А что же, немцам оставлять?

— Может, что зарыть? — нерешительно спросил Серёга.

— А потом ты приведешь немцев и покажешь?

Вместо ответа Серёга самым неожиданным образом прыгнул в сторону и скрылся в чаще.

Штурман и пушкарь бросились за ним, но его и след простыл.

— Кто его знает, что за парень… Надо скорей уходить! — забеспокоились мы. — Может, действительно какой-нибудь шпионский прихвостень.

Мы живо подтащили сухих сучьев, разбили масляные баки — и запылал костер. Тогда мы быстро, гуськом двинулись на восток.

Через несколько часов мы вышли на дорогу. Решили идти вдоль нее: может, удастся встретить кого-нибудь более сговорчивого, чем Серёга. Мысль о нем все время беспокоила нас: кто его знает, что он за парень! Почему убежал? Может, беду навлечет…

Мы недолго шли в ожидании встречи. Словно

вынырнув из-под земли, перед нами предстали три всадника. Автоматы у них были на изготовку.

— Стой! — «приветствовали» они нас. — Кто вы такие?

Не успели мы ответить, как, откуда ни возьмись, появились два вражеских автоматчика.

Весь наш экипаж, как по команде, схватился за оружие. Бортмеханик и штурман кинулись вперед. Штурман успел выстрелить, но не попал: его схватил за руку один из быстро спешившихся всадников.

— Тихо, товарищи! — сказал один из тех, кто оставался на коне. — Теперь мы видим, что вы наши. Это для нас ценнее всяких документов. А насчет фашистов не беспокойтесь: они поддельные.

Заметив, что его не поняли, он добавил:

— Мы нарочно водим с собой таких «ряженых» — сразу людей распознаём. А то ведь фашисты сами тут в нашей форме бродят и по-русски хорошо говорят. С толку с ними собьешься…

Мы познакомились. Рассказали партизанам историю своего полета и вынужденной посадки. Они слушали нас с огромным интересом, расспрашивали, какие новости на Большой земле,

рассказывали, как воюют сами. Чувствовали мы себя как дома.

— Да, — заметил наш штурман, — для нас большое счастье, что мы вас нашли.

— Тоже — нашли! — добродушно ответил один из партизан. — Это вы спасибо Серёге скажите. Если бы не он, неизвестно, куда бы вы еще попали… Мы сами вас искали больше трех часов.

— Так вот я какую важную птицу поймал! — охнул наш пушкарь.

— Очень важную, — без тени усмешки ответили партизаны. — Самый боевой разведчик. Только на вас очень рассердился, говорит — чуть не убили. Поэтому и не верил, что вы советские летчики. «Разве, говорит, наши летчики так плюхаются?»

В лагере мы снова встретили Серёгу. Увидев нас, он застеснялся и собирался было снова задать стрекача. Но на этот раз мы его без труда остановили.

— Ты что же, — спросил я, — такой специалист по авиации, что по посадке отличаешь советских летчиков от фашистских?

— Не то что отличаю, а вроде как наши летчики должны быть ловчее, — уклончиво сказал он.

— Ну а мы, по-твоему, плохо сели?

Он шмыгнул носом и отвел взгляд в сторону: вежливость не позволила ему сделать прямое признание.

Я долго объяснял Серёге, как трудно посадить машину на лес, чтобы не разбиться.

— А ты говоришь — «плюхнулись»! — не удержавшись, добавил я.

— Теперь я понял. Простите, что не узнал вас.

— Ничего, ведь мы тебя тоже не узнали: всё шли и гадали, кто такой Серёга — друг или враг? А ты ведь наш спаситель!

— Вы-то зря гадали, — задумчиво ответил мальчик. — Я еще не слыхал, чтоб кто-нибудь из ребят фашистам продался. Так, по-моему, не может быть!

— Ты прав.

Действительно, за все время войны я ни разу не слышал, чтобы подросток пошел в услужение к врагам. А как много ребята помогали своим, я наблюдал сам и слышал от других.

Истребители

Сам погибай, а товарища выручай.
А. В. Суворов

Лейтенант Гурьев начал летать в районе Сталинграда[2], когда фронт проходил еще за Доном. Он видел, как к Волге двигались гурты скота, вереницы беженцев, до отказа груженные машины и телеги, навьюченные коровы, верблюды. По обочинам дороги брели старики и женщины, толкая перед собой детские коляски с домашним скарбом, а рядом малыши месили пыль босыми ножками. И все с тревогой поглядывали на небо: не видно ли фашистских самолетов?

Советские истребители охраняли дорогу, вступая в частые схватки с гитлеровскими летчиками, пытавшимися поливать пулеметным огнем мирных измученных людей, уходивших из родных мест.

В одной из таких схваток Гурьев открыл свой боевой счет. От его пули загорелся вражеский истребитель «мессершмитт» и ярко пылающим костром рухнул в степь. На своем «ястребке» Гурьев вывел тогда красной краской первую маленькую звездочку.

К концу августа поток беженцев иссяк, волна эвакуируемых с дальних мест прошла через Сталинград. По ночам далеко видны были в степи

---

[2] Примечания: 2
С 1961 г. город носит название Волгоград.

пожары — горели массивы хлебов и сёла. Все говорило о том, что фронт приближается к огромному городу.

…Памятное утро 23 августа было душным и жарким. Накаленные солнцем, земля и каменные здания не успевали охладиться за ночь. Высоко над головой кружился вражеский разведчик — «рама». В утренних косых лучах солнца блестели на виражах стёкла кабины. Прерывисто урчали моторы двухвостового самолета, уходившего на запад… Потом в небе над Сталинградом появились юркие «мессеры», а за ними тяжелые «юнкерсы» и «хейнкели».

С юга на север шли фашистские бомбардировщики. Их гнали и преследовали наши летчики, обстреливали зенитчики. Немецкие самолеты то появлялись из-за облаков, то вновь уносились в высоту для того, чтобы вынырнуть в другом месте и сбросить на Сталинград фугасные бомбы большой взрывной силы.

Население города переселилось в убежища, щели, землянки и подвалы. Начались пожары.

Весь день на Сталинград друг за другом, волнами шли эскадры фашистских бомбардировщиков. Все центральные районы города пылали. Не менее шестисот вражеских самолетов, каждый из

которых сделал два-три вылета за день, бомбили Сталинград.

После объявленной 23 августа в городе воздушной тревоги так и не последовал отбой. Он наступил только после окончательного разгрома гитлеровских войск под Сталинградом — 2 февраля.

Казалось, вражеским налетам не будет конца. Огромный цветущий город, в котором жило около полумиллиона человек, превратился в развалины. И ночью фашистские пикировщики продолжали бешеную бомбежку Сталинграда, освещая его ракетами.

Каждый день враг терял десятки самолетов, сбитых советской истребительной авиацией и зенитчиками. Но это не останавливало его. Бомбежка продолжалась.

Лейтенант Гурьев, как и все его товарищи по эскадрилье, почти весь тот день был в воздухе. Он возвращался на аэродром, заправлял самолет горючим, брал новые пулеметные ленты и вновь взмывал ввысь, бросаясь вдогонку за «юнкерсами».

На фюзеляже его «ястребка» прибавилась еще одна красная звездочка. Но на этот раз ее вывел не сам Гурьев, а его техник, и при этом сделал

это не так аккуратно. Летчик же еле добрался до блиндажа, упал на койку и, не раздеваясь, заснул тяжелым сном — настолько он был бессилен.

Так началась для Гурьева Великая битва у Сталинграда.

Эскадрилье, в которой он служил, была поручена охрана переправ через Волгу в районе Тракторного завода. По нескольку раз в день поднимались в воздух «ястребки», завязывая схватки с вражескими самолетами. И очень часто подбитые гитлеровские машины ныряли в темную от нефтяных пятен Волгу, по которой медленно плыли трупы и обломки разбитых катеров, шлюпок и барж.

Аэродром находился в степи, недалеко от Волги, у ракитовой рощи. Самолеты стояли среди деревьев, росших обособленными «семьями», на просторном заливном лугу. Они были прикрыты ветками с еще не опавшими листьями, и их трудно было заметить с воздуха.

В здании МТС расположился ПАРМ — полевые авиаремонтные мастерские. Штаб полка, столовая и общежитие помещались в землянках, где всегда стоял приятный смолистый запах от досок обшивки.

Однажды, когда все самолеты эскадрильи под-

нялись по очередной тревоге, на аэродроме появился молодой летчик с небольшим чемоданом в руке. Он то и дело останавливался, прикладывая ладонь козырьком к глазам, и всматривался в небо, откуда доносился гул моторов и отдаленные прерывистые пулеметные очереди. Летчик подошел к группе механиков, так же, как и он, наблюдавших за небом.

— Развлекаются! — сказал он, подняв руку вверх.

— У нас часто бывает такое веселье! — ответил механик, не поворачивая в сторону говорившего закинутой назад головы.

Худой и очень высокий инженер эскадрильи, которого все звали «дядей Стёпой», взглянул на кубики в петлицах новенькой гимнастерки прибывшего и спросил, слегка заикаясь:

— А вы к нам, товарищ младший лейтенант?

Летчик козырнул и посмотрел снизу вверх на инженера, хотя и сам был, что называется, выше среднего роста.

— Так точно, младший лейтенант Степанов... Явился для прохождения службы... — И добавил: — Разрешите обратиться, товарищ военинженер третьего ранга, где я могу видеть лейтенанта Гурьева?

— А вот сейчас увидите, — ответил инженер, указывая рукой на «ястребок», стремительно приближающийся к аэродрому.

Делая крутой разворот, скользя на крыло, Гурьев блестяще посадил свой самолет.

Он еще рулил по полю, а навстречу ему бежал его техник, а за ним Степанов.

— Идти за краской? — весело спросил техник.

— Нет, Дмитрич, сегодня мимо… удрал, проклятый! — засмеялся коренастый, небольшого роста, но ладно сбитый летчик, выпрыгивая из кабины и любовно похлопывая рукой по фюзеляжу, вдоль которого протянулась красная стрела с шестью звездочками.

Тут он увидел Степанова и бросился обнимать друга:

— Саша! Саша! Подожди минутку, только сниму парашют… И где ты, долговязый, так долго копался, сатана, так тебя заждался!..

— По-прежнему все стихами шпаришь! — рассмеялся Степанов. — Прежде чем попасть к вам в часть, пришлось срочно кончать высшую истребительную школу…

На встречу друзей, улыбаясь, смотрел техник, немолодой уже человек с обветренным коричневым лицом, на котором топорщились, как щетка,

жесткие седеющие усы.

— Узнаёшь? — спросил друга Гурьев.

— Дмитрич! — радостно воскликнул Степанов. Он только сейчас узнал своего учителя — механика Горьковского аэроклуба.

Учитель и ученик обнялись.

— Ну, пошли в штаб, — сказал Гурьев. — Тебе повезло: вчера пригнали пять новых истребителей…

Когда летчики вышли из штабной землянки, они увидели темное осеннее небо, словно зарницами, освещаемое разрывами бомб, снарядов и мин. Слышна была дробь автоматных и пулеметных очередей. Скрещивались и вновь расходились по беспокойному небу щупальца прожекторов.

Через сутки произошло боевое крещение младшего лейтенанта Степанова.

Была дана ракета на взлет. Над аэродромом повис комок лилового дыма. Техник выбил ногой колодки из-под колес машины, и она рванулась вперед.

Степанов с особой остротой испытывал то радостное, чуть тревожное возбуждение, которое всегда охватывало его в начале полета. А сегодня был особенный полет — первый боевой…

Самолеты шли к переправе. По ту сторону Волги что-то горело, и черный дым пожара лениво расползался во влажном воздухе. Внезапно Степанов увидел под собой «Юнкерс-88». Летчик стал снижаться, набирая скорость. В стеклышке прицела вражеская машина занимала все больше и больше места. Степанов, держа пальцы на гашетке, не выпускал «юнкерса» из прицела. Все ближе и ближе гитлеровская машина. Пора! Степанов сбоку полоснул самолет с черными крестами.

Бомбардировщик стал крениться на левую плоскость. Левый мотор его задымил. Он повернул обратно и уходил, правда неуверенно, как-то криво снижаясь. Теперь Степанов оказался у «юнкерса» в хвосте. Он отчетливо видел следы трассирующих пуль, которыми бил по нему стрелок «юнкерса».

Чтобы вывернуться из пулеметной струи, Степанов круто сворачивал в сторону, отставал, потом опять догонял вражеский самолет. Наконец ему удалось нанести последний удар. Он атаковал бомбардировщик сверху и прошил его длинной очередью от моторов до хвоста.

«Юнкерс», медленно крутясь, пошел вниз…

На фюзеляже истребителя № 9, на котором стал летать Степанов, появилась первая красная звездочка. «Девятка» стояла на аэродроме рядом с «тройкой» Гурьева, как стояли когда-то рядом их станки в цехе автозавода в Горьком[3].

Как правило, они вылетали со всей эскадрильей, но нередко парой отправлялись на «охоту». В таких случаях в полете Степанов особо бдительно охранял наиболее уязвимое место машины своего друга — хвост самолета, и сам каждые тридцать — сорок секунд обязательно поворачивал голову назад. Он делал это почти автоматически, по привычке, чтобы не дать «мессершмиттам» атаковать внезапно. Ведь в воздушном бою побеждает тот, кто первым замечает противника.

Работы для летчиков-истребителей все прибавлялось и прибавлялось.

На левом берегу, напротив Тракторного завода, как, впрочем, и у других переправ, скапливалось большое количество машин, танков и разной боевой техники, ожидавшей переправы. Надвигалась зима, на Волге с верховьев непрерывно плыл то мелкий, битый лед, то крупные ледяные

---

[3] Примечания: 3

В 1990 г. городу возвращено историческое название Нижний Новгород.

поля. Переправа через реку очень усложнилась. Буксиры обламывали об лед спицы колес, баржи сносило течением, срезало льдом.

Ждать ледостава было нельзя. Готовящийся к наступлению фронт требовал усиленного пополнения. Переправа шла не только ночью, как раньше, но и днем. А истребители беспрерывно патрулировали небо. К тому же они стали всё чаще и чаще «охотиться» за транспортными машинами врага, которые снабжали засевших в Сталинграде гитлеровцев боеприпасами и продовольствием.

В середине декабря было завершено окружение гитлеровцев под Сталинградом.

С утра дул западный ветер, шел густой, тяжелый снег. И в этот нелетный, по существу, день к Сталинграду подбирался отряд бомбардировщиков, сопровождаемый новыми быстроходными истребителями «фокке-вульф». Как видно, гитлеровцы решили воспользоваться снегопадом, так как думали, что при плохой погоде им удастся действовать безнаказанно. Получив донесение поста наблюдения, эскадрилья «ястребков» поднялась в воздух.

Не было видно ничего сквозь густую пелену

снега. Степанов старался не упустить из виду хвост гурьевской машины. Они попали в густую тучу и круто взмыли вверх. Окутанный туманом со всех сторон, Степанов перестал ощущать направление и только по альтиметру видел, что поднимается.

Но вот туман поредел, и истребители выскочили из облаков. Навстречу им засияло солнце. Степанов облегченно вздохнул, увидев перед собой гурьевскую «тройку», и тут же заметил, как прямо на них, чуть ниже, двигаются вражеские машины. Они плыли тесным строем — углом — вперед. Их было много. Степанов насчитал до десятка машин, а потом сбился со счета. А с боков шныряли «фокке-вульфы».

«Что сейчас сделает Гурьев — свернет или проскочит над ними?» — не успел подумать Степанов, как его ведущий врезался в клин вражеских машин. Строй их мгновенно рассыпался, смешался.

Гитлеровские летчики были, должно быть, поражены такой неслыханной дерзостью. Несколько вражеских самолетов повернули обратно, другие бросились вниз, в спасительную тучу.

Степанов, проскакивая среди вражеских самолетов, стрелял почти наугад. Машин так много,

что все равно в какую-нибудь попадешь. В него тоже стреляли, он видел тускло мелькающие огоньки трассирующих пуль, но не обращал на них внимания. Мельком глянув в разрыв облаков, Степанов увидел пылавший бомбардировщик, который, переворачиваясь, падал вниз.

Гурьева он ни на секунду не терял из виду и все время боя «висел на его хвосте», защищая друга…

Небо быстро пустело. Только три немецких истребителя кружились вокруг Гурьева. Степанов нырнул под один из них, сделал «горку» и полоснул по брюху очередью. «Фокке-вульф» шарахнулся в сторону и исчез. Другая вражеская машина, сраженная Гурьевым, пылала внизу, в степи.

Летчик третьего «фокке-вульфа» был опытен и напорист. Он нападал на Гурьева, отскакивал и вновь нападал. Лишь когда гитлеровец заметил Степанова, он решил уйти. Но это ему не удалось: Степанов стремительно бросился вдогонку.

Но почему Гурьев так странно ведет себя? «Тройка» то скользит на крыло, то переходит в штопор, то падает почти в отвесном пике́.

«Ваня ранен, он теряет управление. Почему же он не прыгает?» — мучительно думал Степанов,

яростно бросаясь в атаку на уходившую вражескую машину. Он поймал ее в прицел и резанул сбоку очередью. «Фокке-вульф» перевернулся через крыло и неторопливо нырнул в степь.

Почти одновременно Гурьев вышел из пике и с глубокого виража врезался в землю.

«Погиб, погиб старый и верный друг!» Он ничем не может помочь ему, как это обидно и горько! Степанов снизился и бреющим полетом прошел над местом падения гурьевского «ястребка», но ничего не мог различить: опять пошел снег. На последних каплях горючего он дотянул до своего аэродрома. Там его ждали.

Бортмеханики Василий Дмитриевич Лаврентьев — «хозяин» гурьевской «тройки» — и молодой сержант, недавно ставший обслуживать машину Степанова, ожидали на аэродроме «своих», чтобы принять самолеты.

Бортмеханики на полевом аэродроме были неутомимыми тружениками. Когда они отдыхали — неизвестно. Почти каждую ночь, на морозе, они возились около самолетов, ремонтируя моторы, заделывая пробоины от пуль в плоскостях и фюзеляже. А к рассвету обычно истребители стояли в полной боевой готовности. Баки были заправлены горючим, пулеметы заряжены, все

приборы проверены.

Недаром техников звали «хозяевами самолетов». Они знали, что малейший их недосмотр, самая крошечная недоделка могут привести к несчастью в воздухе, и техники без устали трудились под назойливым осенним дождем или на студеном зимнем ветру. Их лица были обветрены, руки в трещинах от бензина и от жгучих прикосновений к ледяному металлу. Утро заставало их всегда у самолетов, в ожидании сигнала к вылету.

Когда Степанов вышел из кабины и, сдернув шлем с головы, подставил разгоряченное лицо ветру, все поняли, что случилось.

Летчик обнял Лаврентьева.

— Не уберег… сбили, проклятые…

У старого техника по коричневому морщинистому лицу скатилась слеза и повисла сверкающей капелькой на седеющих усах…

Вечером в землянку зашел командир эскадрильи. Степанов, лежавший ничком на койке, вскочил на ноги.

— Мы пришли вас поздравить, — сказал командир, протягивая белый листок, — от всей души поздравить. Только что получена телеграмма: ваша жена родила сына.

— Спасибо, — тихо ответил летчик. — Большое спасибо. Вот какой сегодня день — друга потерял, сына нашел. Я обязательно назову его Иваном…

— И вот что я хочу вам предложить, — продолжал командир. — Пока вы не успокоитесь, летать вам будет трудно, к тому же ваш самолет как решето. Потребуется время, чтобы его залатать как следует. Берите отпуск дней на десять и поезжайте домой, увидите сына и подготовите стариков Гурьевых к печальной вести.

— Я не могу этого сделать. Сейчас наступают решающие бои под Сталинградом, а я буду кататься по личным делам…

— А я не могу в таком состоянии допустить вас к полетам, — возразил командир. — Все равно будете без дела сидеть. Поезжайте лучше в отпуск…

Долго сидели в землянке, склонившись над картой, Степанов и Лаврентьев. На карте-пятикилометровке в сорок седьмом квадрате красным карандашом было отмечено место, где упал самолет Гурьева.

Поздно ночью летчик и техник вошли в штабную землянку.

— Решили все-таки идти в отпуск? — спросил капитан.

— Решить-то решил, но не сейчас, — ответил

Степанов и рассказал о том, что они с Лаврентьевым собрались сходить в степь, чтобы самим убедиться в гибели Гурьева. Район этот фашистами не занят. — Похороним Ваню, а может… на войне всякое бывает…

Командир вначале возражал, считая, что не следует рисковать, степь кишмя кишит гитлеровцами, а главное, риск бесцельный и обломков самолета не удастся найти — всё занесло снегом…

Но друзья так настойчиво просили разрешения, что командир в конце концов согласился.

Рано утром Степанов и Лаврентьев, встав на лыжи, отправились в путь.

Друзья перешли Волгу в том месте, южнее города, где сейчас возвышается первый шлюз Волго-Донского канала имени Ленина, и углубились в степь.

Весь день падал мокрый, тяжелый снег. Лыжи с трудом скользили, то и дело приходилось их снимать и счищать налипшие снежные комья. К тому же Лаврентьев был неважный лыжник. Но они шли без отдыха, упорно пробираясь по компасу к сорок седьмому квадрату.

Степь была пустынна. В этих местах вообще редко встречается жилье человека, а те дере-

вушки и хутора, которые были разбросаны по неоглядной степи, сгорели. Лишь обожженные кирпичные трубы одиноко торчали из снежных сугробов.

Ни одна живая душа не попалась навстречу. Только к концу дня три волка — их развелось множество в военные годы — неспешной трусцой пробежали наперерез путникам. Короткая очередь из автомата заставила их повернуть и стремглав умчаться восвояси.

Когда стали сгущаться сумерки, Степанов и его товарищ с радостью набрели на кошару. В углу заброшенной овчарни они нашли немного прелого сена и, закопавшись в него, продремали до рассвета.

За ночь погода изменилась. На смену снегопаду пришел трескучий мороз. В сухом холодном воздухе было далеко видно. Степанов и Лаврентьев шли уже в том районе приволжской степи, который условно обозначен на карте квадратом № 47.

Сильно волнуясь, заранее готовя себя к тому страшному, что сейчас предстанет перед их глазами, они скользили по затвердевшему насту.

— Вот, вот, вижу! — закричал вдруг Степанов и, сильно оттолкнувшись палками, стремительно

рванул вперед.

В степи возвышался холм. Обильный снег совсем закрыл обломки самолета. Друзья бросились откапывать его. Голыми руками они лихорадочно обламывали уже успевший затвердеть снег. Вот показалась изуродованная плоскость — и на ней… черный фашистский крест. Это был не «ястребок» Гурьева, а подбитый им или Степановым «фокке-вульф».

— Мне сразу показалось, что это не он, — хладнокровно заметил Лаврентьев, — уж больно куча велика…

В трехстах метрах дальше была найдена и гурьевская машина.

К удивлению, она оказалась не очень разбитой. Как видно, летчику удалось спланировать и с грехом пополам произвести посадку. На сиденье кабины запеклась кровь. Но ни в кабине, ни возле самолета Гурьева не было.

Никаких следов обнаружить не удалось. Если они и были, их все равно занесло снегом.

Впереди, километрах в трех-четырех, маячили какие-то строения. Над одной крышей лениво поднималась струйка дыма и расползалась в морозном воздухе.

— Пойдем туда, — предложил техник. — Может,

что узнаем и… отдохнем немного.

Трудно передать радость друзей, когда в первом же домике на краю поселка они увидели лежавшего на хозяйской кровати Ваню Гурьева.

Да, это был он, живой и даже веселый. Карие глаза его счастливо сверкнули в прорези сплошь забинтованного лица.

— И где ты, долговязый, так долго копался? — как всегда шутливо приветствовал он друга.

Степанов бросился его обнимать.

— Осторожно, плечо…

Через пять минут все стало ясно. В воздушном бою с тремя самолетами противника лейтенант Гурьев был ранен в правое плечо. От жгучей боли он на мгновение потерял сознание, но сумел все-таки прийти в себя, заставить самолет повиноваться его воле и, управляя левой рукой, кое-как посадить машину. На земле он сразу потерял сознание: сказалось нервное напряжение и потеря крови. К тому же при посадке он сильно разбил лицо.

Сколько он лежал в беспамятстве в кабине, Гурьев не помнит. Он пришел в себя от звонких детских голосов, внезапно нарушивших степную тишину. Ребята с хутора видели, как падает краснозвездный самолет, и помчались на его поиски.

Они-то и доставили на салазках летчика к себе домой. Старушка, бывшая когда-то санитаркой в районной больнице, сумела хорошо промыть рану, остановить кровотечение и перевязать летчика.

Через сутки три неразлучных друга отправились в обратный путь, в свою часть. Впереди шел Степанов, прокладывая лыжню. За ним Гурьев, с трудом передвигаясь с помощью только одной палки. Замыкал шествие Лаврентьев.

Волга была уже недалеко, когда они увидели небольшой отряд лыжников, шедший из Сталинграда. Лыжники двигались довольно неумело, как-то странно размахивая палками.

Лаврентьев сразу определил:

— Фашисты!

Гитлеровцев было десять человек. Очевидно, это были разведчики.

Уходить было поздно. К тому же вражеские разведчики заметили трех человек, шедших в пустынной степи, и теперь с гиканьем бежали им навстречу. Надо принимать неравный бой.

Друзья залегли за небольшим холмом. У Степанова и Лаврентьева были автоматы. Гурьев держал наготове в левой руке пистолет.

Когда до гитлеровцев оставалось шагов пол-

тораста, воздух резанула короткая автоматная очередь. Высокий немец, шедший впереди, упал ничком в снег. Остальные залегли и открыли ответный огонь.

Перестрелка продолжалась около получаса. Судя по тому, что гитлеровцы несколько ослабили огонь, у них были потери. Был ранен и Лаврентьев. У Гурьева кончились патроны к пистолету.

Гитлеровцам, видно, надоело отстреливаться, лежа на снегу, и они пошли в атаку. Семь немецких солдат, согнувшись в три погибели, кинулись к холму. У Степанова уже были на исходе патроны в диске автомата. Стараясь стрелять так, чтобы ни один выстрел не пропал зря, он уложил еще двух фашистов. Остальные поползли в сторону.

Степанов отбросил свой автомат и схватил оружие Лаврентьева, громко стонавшего от боли.

Гитлеровцы больше не стреляли. Они отползали все дальше и дальше. Очевидно, разведчики решили просто уйти — степь ведь велика, зачем перестреливаться с отчаянными русскими, когда их можно обойти стороной. Пять гитлеровцев встали на лыжи и, низко нагибаясь, помчались вниз по склону. Последней пулей Степанов настиг еще одного из них.

С Лаврентьевым дело было плохо. Он уже не

стонал. Все лицо у него было в крови. Кровь сочилась из правой руки и левого бедра. Дыхание стало прерывистым.

Степанов наложил ему жгуты, замотал голову бинтом из индивидуального пакета. Но как доставить тяжелораненого к своим? Гурьев нашел выход. Он предложил связать две пары трофейных лыж, брошенных немецкими разведчиками, и положить на эти самодельные салазки техника.

Так и сделали. И Степанов потянул за собой тяжелую ношу. Гурьев пытался ему помогать здоровой левой рукой. Мороз все крепчал и крепчал. Долго брели они, пока не встретили наконец наш танковый батальон, шедший к переправе на малой скорости.

Танкисты быстро доставили раненых к Волге, а к утру все трое уже находились в своей части.

Засада на зимней дороге

В партизанском отряде Шлапакова все уважали Тимофея Ивановича Куриленко. В мирное время

был Тимофей Иванович учителем Пореченской неполной средней школы. А когда немецкие войска оккупировали Смоленщину, учитель ушел с двумя сыновьями, Володей и Геннадием, в лес к партизанам. Вскоре все трое стали настоящими бойцами. Но больше всех прославился самый младший Куриленко — Володя. Он был храбрым и отчаянным бойцом, но в то же время очень дисциплинированным. Поэтому командир на самые трудные задания посылал именно Володю.

Нелегко было скрываться народным мстителям зимой в глухом лесу. Голодно и холодно партизанам, но они не думали о трудностях и продолжали бить жестокого врага.

Партизаны смело нападали на обозы оккупантов. В боях добывали они себе самое необходимое.

Жители окрестных деревень помогали народным мстителям чем могли, но у них самих мало было продуктов. Оккупанты изо дня в день грабили крестьян. И при всем желании местные жители не могли помогать партизанам так, как это требовалось.

Однажды в партизанском отряде кончились продукты.

— Обедать не придется, если у немцев продук-

ты не добудем, — сказал Павел Митрофанов.

— Эх, кашки бы сейчас гречневой!.. — вздохнул другой партизан. — Целый котелок съел бы.

— Гречка у фрица! — засмеялся дежурный. — Пойди отними!

— Дай срок — отниму. Еще как отниму! — обиделся партизан.

Было раннее утро. Погода стояла вьюжная. Верхушки деревьев качались и скрипели под сильным ветром. А в чаще, где расположились партизаны, было тихо, морозно.

В это студеное февральское утро из деревни Хохлово прибежала учительница Анна Матвеевна. В штабной землянке разведчица докладывала обстановку в деревне партизанскому командиру Ивану Романовичу Шлапакову.

— Обоз с продовольствием. Большой, — говорила учительница. — Остановился в деревне на сутки. Завтра отправится дальше, в город Демидов.

— И говорите, богатый обоз? — переспросил командир, хитро прищурившись.

— Про́пасть всякого добра! — подтвердила Анна Матвеевна.

— А какая охрана?

— Человек тридцать…

Партизанский командир нахмурился. Охрану обоза трудно будет одолеть. В другое время три десятка солдат, охраняющих обоз, показались бы ему пустяковым препятствием. Но сейчас в лагере оставалось только четырнадцать бойцов. Все остальные ушли на боевое задание. Они должны будут взорвать железнодорожный мост и уничтожить эшелон с гитлеровцами, которые направляются на фронт.

— Спасибо за сведения, дорогая Анна Матвеевна, — сказал Шлапаков. — Только вот партизан у нас маловато для нападения… Ну ничего. Вы нам сообщили ценные сведения. В отряде кончаются продукты, и обоз мы должны захватить. Иначе придется голодать…

Иван Романович проводил разведчицу до ближайшей лесной дороги и вернулся в землянку.

Володя Куриленко сидел у стола и при неровном свете чадящей коптилки рассматривал карты, взятые партизанами во время недавнего налета на комендатуру в деревне Шайтары. Он тогда возглавлял группу, в которую входил и его отец, Тимофей Иванович.

Сейчас Володя сравнивал новенькие хрустящие немецкие карты с потертой на сгибах картой командира отряда. Странным казались Володе

русские названия, обозначенные чужими буквами на листах, напечатанных в Берлине. Сразу даже не прочтешь знакомые с детства слова.

Смотрел Володя на карту и видел дороги и леса, которые исходил еще мальчишкой. Вот они — серовато-желтые квадраты степных районов Смоленщины. Зеленые с синими прожилками рек и речушек лесные массивы. Деревни, большаки, рощицы, проселки, полустанки… Он вспомнил, как ходил с пионерским отрядом в туристический поход. Здесь вот они жгли костры, варили кашу, а потом долго пели пионерские песни. А вот тут, на крутом пригорке, он однажды упал с велосипеда и вывихнул ногу.

Зажмурил Володя глаза — и предстали перед ним все изгибы дороги, ведущей в родную деревню, все подъемы и спуски, все придорожные кустики и ракиты. Вспоминает он небольшие смоленские деревушки с почерневшими от времени срубами. Колодцы на широких улицах. Холмы. Лощины. И — поля. Поля без конца и без края. И нет дороже этих мест, где родился и вырос…

— Ну что, заснул, орел? — громко спросил Иван Романович. — А я тебе задание даю.

Володя вскочил из-за стола, вытянулся по стой-

ке «смирно».

— Ладно, сиди, сиди, — благодушно сказал командир отряда, а когда Володя снова уселся за стол, продолжил: — Возьми-ка, Володя, троих партизан и быстренько иди с ними в разведку. Нам нужно точно знать, когда немецкий обоз выйдет из деревни Хохлово и окажется на зимней дороге. Будешь посылать ко мне бойцов с донесениями.

— Есть, — снова встал Володя и, четко, по-военному повернувшись, вышел из землянки.

Партизанский командир посмотрел с улыбкой вслед своему разведчику. Он очень любил этого бесстрашного и решительного паренька. Перед партизанами стояла нелегкая задача. Немцев вдвое больше. К тому же в трех километрах от деревни Хохлово, в соседней деревне Язвище, стоит отряд карателей. Когда начнется стрельба, гитлеровцы обязательно услышат выстрелы и, конечно, поспешат на помощь своим. Тогда вся операция по захвату обоза провалится. Командир долго думал, что же делать. И вот наконец принял решение: на деревню, где остановился обоз, не нападать. Пусть немцы выйдут на дорогу. Западню для противника партизаны устроят возле придорожного хутора. Нападут внезапно. Стремительно окружат немцев и сразу заставят их

сдаться в плен. Тогда каратели не успеют прийти на помощь, а партизаны уведут обоз в лес. Так думал Шлапаков. Он вышел из землянки и приказал построиться всем партизанам. Через минуту оставшиеся в лагере десять человек стояли одной неровной шеренгой перед командиром.

Странное впечатление произвели бы эти люди на стороннего наблюдателя. Вот седой человек в очках с дужкой, перевязанной бечевкой, одетый в старенькое, потертое пальтишко. Это Тимофей Иванович Куриленко, бывший учитель. Рядом с ним Миша Гильфанов — татарин, сержант Красной армии. Миша попал в окружение еще под Брестом и упорно пробирался к линии фронта, пока не наткнулся однажды на отряд Шлапакова. Вот с красной повязкой на рукаве дежурный по лагерю Геннадий Куриленко. А возле него — весельчак Павел Митрофанов, бывший колхозный тракторист. Какие разные люди стоят в одном строю! Разные по профессии и возрасту. Что объединило их? Что заставляет терпеть всяческие трудности и лишения? Что ведет их в бой и заставляет подвергать жизнь смертельной опасности? Ответ на эти вопросы может быть только один: всех этих столь разных людей объединила и свела в боевую группу безграничная любовь к

Родине, к своему Отечеству. Их сердца наполнены желанием побыстрее прогнать с советской земли ненавистных фашистских захватчиков.

Командир отряда внимательно оглядел каждого из бойцов и коротко рассказал о предстоящей операции.

— На каждого из вас, товарищи, придется по три фашиста, — такими словами закончил свою речь командир. — Только смелость и мужество могут помочь нам выиграть этот бой.

И вот уже десять человек идут через лес. Из трех Куриленко в операции участвует только старший — Тимофей Иванович. Геннадий остался дежурить по лагерю. Володя — в разведке.

Февраль выдался снежный. Намело снегу видимо-невидимо. Даже на открытых местах партизаны проваливались в снег по пояс. Идти было тяжело. Гуськом, ступая след в след, партизаны продвигались к хутору, около которого командир решил устроить засаду. Несмотря на крепкий морозец, всем вскоре стало жарко.

Когда добрались наконец до хутора, то наткнулись на спешащего с донесением партизана, который ушел вместе с Володей Куриленко. Связной сообщил, что обоз уже вышел из Хохлова и скоро нужно ожидать незваных «гостей».

Дорога вела к деревне Жарь. Партизаны быстро и бесшумно устроили засаду. Одна маленькая группа залегла возле дома, другая — через дорогу, за амбаром. Шлапаков с ручным пулеметом и тремя бойцами расположились в сенном сарае.

Медленно тянулись минуты…

Партизаны с нетерпением ждали появления обоза. Лежать без движения в холодном снегу не слишком приятно. Вскоре мороз пробрал бойцов до костей. Им казалось, что они лежат здесь уже очень долго, а немцы никогда не покажутся на дороге. Каждый жил ожиданием предстоящего боя. Что принесет эта схватка? Победу или поражение?..

Люди совсем окоченели и проклинали фашистов на чем свет стоит. Но вот наконец послышался далекий скрип полозьев, лошадиное ржание и чужая, отрывистая, похожая на лай речь обозников. Партизаны затаились, боясь хоть чем-нибудь выдать свое присутствие. Шлапаков шепотом передал приказ:

— Готовьсь!..

Морозный воздух словно застыл. Вот уже голова колонны поравнялась с сараем. И вдруг раздался сухой протяжный треск, будто рвется большое полотно. Это командир нажал на спусковой крючок

пулемета, и короткая меткая очередь прошила лошадь, запряженную в первые сани. Лошадь упала, забилась в судорогах. Обоз остановился. Свернуть с дороги следующим нельзя — чересчур глубокий снег.

Внезапно раздалась длинная ответная очередь пулемета. С хвоста колонны затараторил вражеский пулемет, о котором не знали партизаны.

Пули свистели над головами партизан, впивались злыми осами в стены сарая и амбара, отщипывали острые сосновые щепки от бревен. Вот уже один из партизан вскрикнул и уронил винтовку. Его ранило в руку. Другому две пули попали в ногу. Сопротивление гитлеровцев оказалось организованным и стойким.

Время было упущено. Молниеносного нападения на обоз не получилось. Принимать затяжной бой партизанам было нельзя: могли подойти каратели и окружить маленькую горстку народных мстителей. Тогда дело обернется для партизан совсем плохо.

Шлапаков все это понимал и уже хотел дать приказ об отступлении, как неожиданно позади гитлеровцев раздались крики «ура!» и отрывистые очереди автоматов.

Пулемет врага продолжал строчить, но ко-

мандир отряда все же встал во весь рост, чтобы лучше разглядеть, откуда пришла неожиданная помощь. Он увидел, как раздался взрыв и вражеский пулемет умолк. По снегу к обозу бежали, на бегу стреляя, разведчики с Володей Куриленко во главе.

— Володя! Володя! — радостно вскрикнул Шлапаков и вновь припал к пулемету. — Вовремя ты подоспел, орленок мой смелый!

Обстановка боя сразу изменилась. Немцы были в растерянности. Все, кто был в засаде, поднялись и пошли в атаку.

— Хенде хох! Руки вверх! — услышал Шлапаков голос партизанского орленка Володи Куриленко.

Пять уцелевших фашистских солдат, стоя возле своих саней, подняли вверх руки. Трое побежали вперед, к видневшейся вдали деревне Жарь. Но далеко они не убежали: партизанский снайпер Ваня Борисов прицелился из винтовки и на расстоянии почти в пятьсот метров срезал одного из бегущих.

Судьбу двух гитлеровцев, спрятавшихся в подполье деревянного дома, решила брошенная Володей граната. Двадцать вражеских солдат остались лежать у дороги. И еще четыре лошади…

Партизаны, не теряя времени, стали перекладывать трофеи в оставшиеся целыми сани.

— Молодец! — похвалил Володю командир. — Спасибо тебе, не подоспей ты с ребятами, туго бы нам пришлось. Правильно оценил обстановку, ударил где надо!

— Ну что вы, — смутился Володя, — мы ничего особенного не сделали, Иван Романович. Торопились к месту боя, да немного пришлось задержаться в деревне. Принесли сведения с железной дороги о движении вражеских поездов. Теперь можно начинать битву на рельсах…

— Да ты настоящий орел, а не орленок! — сказал командир и обнял Володю.

Через двадцать минут перегрузка добытого в бою снаряжения и продовольствия была закончена. Обоз свернул с большака на еле приметную, малоезжую дорогу в лес. Начал порошить пушистый снежок, засыпая следы недавнего боя.

— Ну, теперь нас сам чёрт не найдет, — обрадованно сказал один из партизан. — Снежок все следы скроет!..

Володя ехал на санях вместе с Мишей Гильфановым.

— Можешь считать, что это твои трофеи, — сказал Миша. — Без твоих разведчиков пришлось бы

нам отступать.

— Ерунда, справились бы и без нас, — сказал Володя, но ему пришлась по душе похвала товарища...

